

Выставка Иосифа Бродского строится на подлинных документах. Здесь автографы и рисунки поэта, фотографии, «самиздат», книги, газеты.

Смысловый центр экспозиции — диалог Анна Ахматова — Иосиф Бродский, представленный оригиналами писем, оттиском публикации в «Новом мире» с дарственной надписью Бродскому. Здесь фотография Ахматовой — ее подарок, машинопись стихотворения Бродского, из которого Ахматова взяла эпиграф к «Последней розе», и само это стихотворение. Этот пласт документов вопреки хронологически биографическому принципу становится композиционным ядром, тема которого — «рукоположение» в поэты...

Выставка рассказывает о том, как имя Бродского, в конце 60-х годов известное сравнительно узкому кругу друзей, стало сегодня частью общего культурного сознания, о том, как трагически трудно это происходило. Автографы и стихотворения Бродского, в 60-е годы подаренные друзьям, и «самиздатовская» машинопись, выходящая из того же дружеского круга, чтобы стихи обошли как можно большее число людей, детские стихи в «Веселых картинках», несколько переводов конца 60-х гг., четыре тома «самиздатовского» собрания сочинений, подготовленного В. Марамзиным с помощью друзей, сборники, изданные за рубежом — таков путь поэзии Бродского к читателю.

Сейчас нам кажется, что жизнь Бродского до 1972 г. — постоянное противоборство государству на уровне политики. Сам поэт считает это противостояние иным, определяя поэзию как «форму сопротивления реальности». Но обойти тему суда над Бродским все-таки невозможно. Замечание Ахматовой: «Какую биографию делают нашему рыжему», — ставит его в вечный ряд поэтов-изгнанников. В современном сознании эти события окрашены публицистическим пафосом. Самому Бродскому он чужд. Его ироничность не только форма защиты, она оказалась особым видением мира. Подтверждение тому — автошаржи, шуточные рисунки и стихи.

Органическая часть выставки — пейзажи Ленинграда, города, живущего в стихах Иосифа Бродского, города, в котором звучат его стихи.

СТАНСЫ

Ни страны, ни погоста,
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я в потьмах не найду,
между выцветших линий
на асфальт упаду.
И душа, неустанно
попешая во тьму,
промелькнет над мостами
в Петроградском дыму,
и апрельская морось,
под затылком снежок,
и услышу я голос:
— «До свиданья, дружок!»
И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой,
— словно девочки-сестры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

1962.

ЛЕНИНГРАД.

Deus conservet omnia

МУЗЕЙ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ

Музей благодарит за помощь и предоставленные материалы Я. А. Гордина, М. И. Мильчика, Э. Б. Томашевскую, В. П. Голышева, А. Я. Сергеева, С. Захаряна, М. В. Ардова, Э. Б. Коробову, М. Д. Эльзона.

Над выставкой работали:

художник В. И. Герасимовский, фотограф Г. Г. Хорошайлов, научный сотрудник Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме Е. В. Кузьмина.

Музей открыт с 10.30 до 18.30, касса закрывается на час раньше. Выходной день — понедельник. Санитарный день — последняя среда месяца. Наш адрес: наб. Фонтанки, 34. (Между мостами Аничковым и Симеоновским (мост Белинского)).

Цена 1 р.

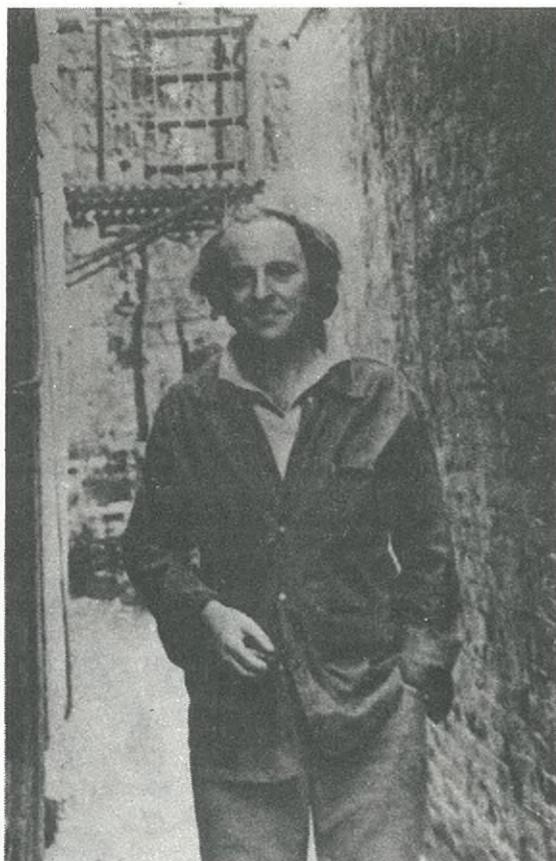
I. Brodsky

ИОСИФ
БРОДСКИЙ
50 ЛЕТ

ИОСИФ БРОДСКИЙ 50 ЛЕТ

И. Бродский

НЬЮ-ЙОРК.

ПЕСНЯ ОПЫТА

«Hear the voice of the Bard!»
1 W. Blake*

Мы не пьем вина на краю деревни.
Мы не ладим себя в женихи царевне.
Мы в густые щи не макаем лапоть.
Нам смеяться стыдно и скушно плакать.

Мы не гнем дугу пополам с медведем.
Мы на сером волке вперед не едем,
и ему не встать, уколовшись шприцем
или оземь грянувшись, стройным принцем.

Зная медные трубы, мы в них не трубим.
Мы не любим подобных себе, не любим
тех, кто сделан был из другого теста.
Нам не нравится время, но чаще — место.

Потому что север далек от юга,
наши мысли цепляются друг за друга.
Когда меркнет солнце, мы свет включаем,
завершая вечер грузинским чаем.

2
Мы не видим всходов из наших пашен.
Нам судья противен, защитник страшен.
Нам дороже свайка, чем матч столетья.
Дайте нам обед и компот на третья.

Нам звезда в глазу, что слеза в подушке.
Мы боимся короны во лбу лягушки,
бородавок на пальцах и прочей мрази.
Подарите нам тюбик хорошей мази.

Нам приятней глупость, чем хитрость лисья.
Мы не знаем, зачем на деревьях листья.
И, когда их срывает Борей до срока,
ничего не чувствуем, кроме шока.

Потому что тепло переходит в холод,
наш пиджак зашит, а тулуп проколот.
Не рассудок наш, но глаза ослабли,
чтоб искать отличие орла от цапли.

3
Мы боимся смерти, предсмертной казни.
Нам знаком при жизни предмет боязни:
пустота вероятней и хуже ада.
Мы не знаем, кому нам сказать «не надо».

Наши жизни, как строчки, достигли точки.
В изголовьи дочки в ночной сорочке
или сына в майке не встать нам снами.
Наша тень длиннее, чем ночь пред нами.

То не колокол бьет над угрюмым вечем!
Мы уходим во тьму, где светить нам нечем.
Мы спускаем флаги и жжем бумаги.
Дайте нам припасть напоследок к фляге.

Почему так все вышло? И будет ложью
На характер свалить или Волю Божью.
Разве должно было быть иначе?
Мы платили за всех, и не нужно сдачи.

* «Слушайте глас Певца!» Вильям Блэйк

1972

Бродский

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя что сызнава входит в моду,
сеял рожь, покрывал черной телью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны вороненый зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок,
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешел на шепот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

24 мая 1980 г.

ОДИССЕЙ ТЕЛЕМАКУ

Колонна

Мой Телемак,
Троянская война
окончена. Кто победил — не помню.
Должно быть, греки: столько мертвецов
вне дома бросить могут только греки...
И все-таки ведущая домой
дорога оказалась слишком длинной,
как будто Посейдон, пока мы там
теряли время, растянул пространство.
Мне неизвестно, где я нахожусь,
что предо мной. Какой-то грязный остров,
кусты, постройки, хрюканье свиней,
заросший сад, какая-то царица,
трава да камни... Милый Телемак,
все острова похожи друг на друга,
когда так долго странствуешь; и мозг
уже сбивается, считая волны,
глаз, засоренный горизонтом, плачет,
и водяное мясо застит слух.
Не помню я, чем кончилась война,
и сколько лет тебе сейчас, не помню.

Расти большой, мой Телемак, расти.
Лишь боги знают, свидимся ли снова.
Ты и сейчас уже не тот младенец,
перед которым я сдержал быков.
Когда б не Паламед, мы жили вместе.
Но может быть и прав он: без меня
ты от страстей Эдиповых избавлен,
и сны твои, мой Телемак, безгрешны.

1972

«Что дозволено Юпитеру,
не дозволено быку».

Каждый пред Богом наг,
Жалок, наг и убог.
В каждой музыке Бах,
В каждом из нас Бог.

Ибо вечность Богом.
Бренность — удел быков.
Быково станет нам
Сумерками богов.

И надо небом рискнуть,
И, может быть, невпопад
Еще нас не раз распнут,
И скажут потом: распад.

И мы завоем от ран,
Потом взалкаем даров.
У каждого свой храм.
И каждому свой гроб.

Юродствуй. Воруй. Молись.
Будь одинок, как перст!
Словно быкам — хлыст —
Вечен богам крест.

ДЕРЕВНЯ НОРИНСКАЯ.

